
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Сквозь призму культурных трансферов: Бергсон и философия в Германии

© 2020 г. И.И. Блауберг

*Институт философии РАН, Москва,
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

*E-mail: irinablauberg@yandex.ru
<https://iphras.ru/blauberg.htm>*

Поступила 21.05.2020

В статье рассматриваются некоторые принципы методологии культурного трансфера, разработанной М. Эспанем и М. Вернером, в рамках которой большое внимание уделяется не влиянию одной культуры на другую, а многоплановым межкультурным взаимодействиям. Данный метод, возникший в начале 1980-х гг. в сфере изучения франко-германских интеллектуальных контактов, показал свою продуктивность и в других областях исследования. Автор статьи движется от этой широкой темы к более узкому ее аспекту: демонстрации того, как применяется такой подход в книге Катерины Занфи «Бергсон и немецкая философия. 1907–1932». В этой работе впервые представлена широкая картина рецепции философских идей Бергсона в Германии и, наоборот, осмысления французским философом взглядов его немецких коллег и звучавших в его адрес критических суждений, что сказалось позже на разработке концепции «Двух источников морали и религии». Большую роль сыграл здесь и опыт Первой мировой войны, когда всплеск националистических настроений привел к полному прекращению взаимных контактов. Еще больше сужая тему, автор рассматривает, в качестве одного из показательных примеров, некоторые результаты проведенного западными историками философии исследования вопроса об интеллектуальном диалоге Бергсона и Шелера, повлиявшем на воззрения обоих философов.

Ключевые слова: история философии, культурный трансфер, франко-германские интеллектуальные контакты, философия А. Бергсона, Мишель Эспань, Катерина Занфи, Макс Шелер.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-178-188

Цитирование: *Блауберг И.И.* Сквозь призму культурных трансферов: Бергсон и философия в Германии // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 178–188.

In the Light of Cultural Transfers: Bergson and Philosophy in Germany

© 2020 Irina I. Blauberg

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

*E-mail: irinablauberg@yandex.ru
https://iphras.ru/blauberg.htm*

Received 21.05.2020

The article discusses some of the principles of cultural transfer methodology, developed by Michel Espagne and Michaël Werner, in which much attention is paid not to the influence of one culture on another, but to multifaceted intercultural interactions. This method, which emerged in the early 1980s in the field of the study of Franco-German intellectual contacts, showed its productivity in other areas of research. The author of the article moves from this broad topic to its narrower aspect: demonstrating how this approach is applied in the book by Caterina Zanfi “Bergson and German Philosophy. 1907–1932”. This paper presents for the first time a broad picture of the reception of Bergson’s philosophical ideas in Germany and, conversely, the comprehension by the French thinker of the views of his German colleagues and the critical judgments addressed to him, which later affected the development of the concept of “Two Sources of Morality and Religion”. In this sense, the experience of the First World War played a large role, when a surge of nationalist sentiments led to the complete cessation of mutual contacts. Narrowing the subject even further, the author considers, as one of the illustrative examples, some of the results of a study conducted by Western historians of philosophy on the intellectual dialogue between Bergson and Scheler, which influenced the views of both philosophers.

Keywords: history of philosophy, cultural transfers, Franco-German intellectual contacts, H. Bergson’s philosophy, Michel Espagne, Caterina Zanfi, Max Scheler.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–11-178-188

Citation: Blauberg, Irina I. (2020) “In the Light of Cultural Transfers: Bergson and Philosophy in Germany”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2020), pp. 178–188.

Немного о теории культурного трансфера

Название данной статьи обозначает один из аспектов гораздо более широкой темы, которой в последние десятилетия уделяется большое внимание в зарубежной, в том числе французской литературе. Речь идет об исследовании интеллектуальных контактов между философами Франции и Германии в XIX–XX вв., – исследовании, которое дает возможность внимательнее присмотреться к философской жизни этих стран, определить особенности теоретического взаимодействия, культурных связей, проявляющихся, среди прочего, в рецепции идей. В процессе такого изучения выявляется своеобразие национальных философий, рассматриваются многоплановые обстоятельства, в том числе философские традиции конкретной страны, черты национальной психологии, ментальности и пр., которые влияют на постановку и способы решения философских проблем.

Сильный стимул межкультурным исследованиям во Франции придали работы, сфокусированные на теме культурных трансферов. Одним из инициаторов данного подхода является Мишель Эспань, французский филолог-германист и историк культуры.

Исследования в этом русле ведутся с начала 1980-х гг. Для нашей темы особенно важно, что изначально они выросли из изучения франко-немецких культурных взаимодействий: первым объектом внимания стало творчество Генриха Гейне, 25 лет прожившего во Франции. В 1985 г. М. Эспань вместе с его единомышленником Михаэлем Вернером организовали исследовательскую группу «Франко-немецкий культурный трансфер», который вошел в состав Высшей нормальной школы в Париже. Потом название группы неоднократно менялось. С середины 1990-х гг. она стала называться лабораторией «Трансфер. Межкультурная история германского мира» (см. [Эспань 2018, 48–51]). При поддержке Национального центра научных исследований (CNRS), Дома наук о человеке и других институций, она постепенно расширялась, вовлекая в свою орбиту разных специалистов (об этом М. Эспань подробно рассказал в одном из интервью [Espagne 1992, 150]). В процессе дальнейшей деятельности, в том числе эмпирической – работы в библиотеках и архивах, – оформлялись и уточнялись теоретические принципы. Большое внимание было уделено тому, как происходило усвоение идей немецкой философии во Франции XIX в., среди прочего – в учении Виктора Кузена, в каком виде эти идеи преломлялись в системе высшего образования, как их разрабатывали ученики Кузена и пр. Со временем был создан журнал «Revue germanique internationale», специализирующийся на проблематике трансфера.

Отличительной чертой такого подхода является пристальное внимание к разным путям взаимовлияния, подчеркивание того, что не только воспринимающая, но и воздействующая культура определенным образом меняется в результате контактов, тщательное выявление и исследование этих изменений. М. Эспань подробно аргументирует свою точку зрения, с чем читатель может познакомиться в его работах, в том числе в недавно переведенной на русский язык книге «История цивилизаций как культурный трансфер» (2018). Приведу лишь несколько аргументов. Так, признавая достижения компаративизма, Эспань пишет о его границах, о необходимости критического подхода к нему. С его точки зрения, «сравнение двух объектов означает их противопоставление, в которое первоначально входит перечисление одновременно их сходств и различий. Целью же этого является создание жесткой оппозиции, конструируемой, по правде сказать, не без неизбежного при том смещения смыслов. И впрямь, сравнению ведь поддается только то, что не является смешанным... Сравнение лишь укрепляет национальные различия, не позволяя поставить их под сомнение» [Эспань 2018, 79]). Сравнение, полагает он, «осуществляется исходя из национальной точки зрения» [Espagne 1994, 120] и акцентирует именно элементы сопоставления, а не взаимодействия, что может вести к доминированию одной национальной точки зрения над другой. Эспань призывает выйти за границы компаративизма, выводя на первый план межкультурные взаимодействия, зачастую длительное время оказывавшие влияние на развитие изучаемых культур; он подчеркивает аспекты двусторонних, диалоговых отношений и рассматривает их в динамике. При этом важными оказываются и точки несовместимости и асимметрии, сигнализирующие о своеобразии феноменов разных культур¹. Выявление сходств и различий, по мнению Эспаня, – вчерашний день, нужно двигаться глубже, высвечивая общие культурные пространства, а не просто сопоставляя их отдельные части. На это нацелен разрабатываемый исследователем и его лабораторией транснациональный подход.

Сам компаративизм, утверждает Эспань, часто пользуется не сравнением в узком смысле слова, а фактически методами культурного трансфера: «Когда основатели школы “Анналов” призывали историков искать те точки соприкосновения, которые существуют между разными обществами, а также общие корни национального разнообразия, то они ни в коем случае не выступали за сравнение в узком смысле слова, но за единую историческую точку зрения, за универсальную, всеобщую историю» [Эспань 2018, 93].

В рамках такого подхода особое внимание уделяется посредникам, через которых происходило межкультурное взаимодействие, в том числе преподавателям языков (скажем, обучавших немецкому языку во Франции). Важной темой становятся переводы

с одного языка на другой: изучение терминов, которые избирает переводчик для передачи понятий чужого языка, может многое сказать о взаимодействующих интеллектуальных контекстах и подсказывает возможные пути интерпретации.

Работы Эспаня изобилуют конкретными примерами из области истории, философии и психологии, истории образования, этнологии: в них рассматриваются и проблемы миграции населения, и вопросы коллективной памяти, и проблемы искусства... По словам Е.Е. Дмитриевой, многое сделавшей в сотрудничестве с Эспанем для исследования культурных связей России, Франции и Германии, теория культурного трансфера «продемонстрировала, насколько любое, даже самое национальное явление (или, во всяком случае, почитаемое таковым) на самом деле является сложнейшим сплавом разных культур и взаимовлияний» [Дмитриева 2018, 16–17] (см. также [Дмитриева 2011])². Действительно, начавшись в сфере литературоведения, исследование культурных трансферов постепенно расширило свой охват. За прошедшее время этот метод приобрел междисциплинарный характер, распространился на многие сферы культуры и доказал свою продуктивность. Как пишет И.Н. Минеева, «диапазон применения методологии культурного трансфера впечатляет – филология, история, философия, антропология, искусствоведение, педагогика, психология, межкультурная коммуникация, политология, экономика, социология, медиа, архитектура, урбанистика, кинематограф» [Минеева 2016].

Возвращаясь к франко-германским интеллектуальным контактам, приведем важное суждение М. Эспаня, высказанное в 1992 г.: «Мы думаем, что в области культурных трансферов все завязывается в XIX веке, в десятилетия, последовавшие за Французской революцией. Нельзя понять XX век, не осветив вначале эту эпоху, которая остается еще очень мало известной» [Espagne 1992, 151]. Эту проблему осознают и российские историки философии. Данная тематика рассматривалась, например, применительно к таким влиятельным направлениям философской мысли, как спиритуализм и неогегельянство во Франции [см. Блауберг 2014; Курилович 2016]. Известно, что представители разных линий французского спиритуализма, В. Кузен и Ф. Равессон, восприняли и применили в своем творчестве идеи соответственно Гегеля и Шеллинга, что определенным образом сказалось на дальнейшей судьбе этих течений.

В философии Бергсона, во многом продолжившего ту линию спиритуализма, к которой относился Равессон, тоже сыграло определенную роль взаимодействие с иными культурными традициями, сложившимися на немецкой почве. Расскажем об этом подробнее.

Книга Катерины Занфи «Бергсон и немецкая философия. 1907–1932» как пример метода культурного трансфера

Подход, предложенный М. Эспанем, стал важным методологическим ориентиром для итальянской исследовательницы Катерины Занфи, которая в 2013 г. опубликовала книгу «Бергсон и немецкая философия (1907–1932)»³. К. Занфи сейчас работает в Национальном центре научных исследований в Париже, является президентом Общества друзей Бергсона. В свое время она прошла школу лаборатории культурных трансферов, и ее книга служит одним из удачных примеров того, как работает сам этот подход. Но вначале – немного предыстории.

Философские контакты Бергсона с его современниками, представителями разных философских течений в Германии, до сравнительно недавней поры исследовались не особенно активно. Сам этот сюжет был сложен еще и потому, что такие контакты прервались с началом Первой мировой войны и сменились тягостным периодом либо взаимных обвинений, либо молчания. К той эпохе относятся толкования Бергсона как «плагиатора», заимствовавшего идеи Шопенгауэра. Но во второй половине XX столетия (а особенно ближе к его концу), когда время сгладило непосредственные эмоции и появилась возможность собственно теоретических исследований, ситуация изменилась. Историков философии привлекла тема сопоставления идей Бергсона с воззрениями

представителей немецкого классического идеализма (см., например, [Barthélemy-Madaule 1966; Vieillard-Baron 2001]), а также той формы философии жизни, которая развивалась в Германии. Несколько работ были посвящены теме рецепции идей Бергсона на немецкой почве [Meyer 1982; Pflug 1991]. Но, как отмечает К. Занфи, авторы предыдущих исследований главным образом делали акцент именно на сопоставлении или сосредоточивали внимание на способах и особенностях рецепции. С ее точки зрения, недоставало «филологической реконструкции трансферов, направленных в сторону Бергсона, что сделало бы возможной оценку их значения в эволюции его зрелой философии» [Занфи 2020, 21].

Эта тема стала центральной в книге Занфи. Опираясь на богатый архивный материал, она очень подробно описала многостороннюю ситуацию диалога, а точнее, полилога, который до 1914 г. вполне плодотворно вели Бергсон и немецкие философы. Ее работа очень расширяет горизонт исследования, позволяет оценить не только масштаб влияния бергсоновских идей в Германии в этот период, но и понять, насколько такое интеллектуальное общение оказалось важным для самого французского интуитивиста.

Назвав свою книгу «геофилософским атласом», К. Занфи прослеживает маршрут распространения бергсоновских идей в Германии. На этом пути она выделяет четыре остановки, или четыре главных этапа, связанных с городами Йеной, Берлином, Гейдельбергом и Гёттингеном, где университеты часто служили центрами философских школ. Интересы и установки представителей данных школ формировали особые предпосылки, создавали своеобразные контексты, исходя из которых складывалось то или иное отношение к учению Бергсона. С этим во многом были связаны различия в восприятии его идей: так, в Йене Рудольф Ойкен (в России была принята иная транскрипция фамилии – Эйкен), разработывавший концепцию неидеализма, и его ученики быстро обнаружили сходство этой концепции с учением Бергсона, изложенным в «Творческой эволюции». В Берлине особый интерес к Бергсону проявил Георг Зиммель, что отразилось в ряде его работ. В Гейдельберге взгляды Бергсона интерпретировали, каждый со своей позиции, биолог и философ Ганс Дриш, историк и философ культуры Эрнст Трельч, неокантианцы Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт. Наконец, в Гёттингене учение Бергсона с большим вниманием воспринял, обсуждал и критиковал Макс Шелер. Таким образом, многие немецкие философы отозвались на новые идеи, пришедшие с другого берега Рейна. И положительные оценки, и критика, а в любом случае – осмысление новой французской философии в чем-то изменило, обогатило новыми смыслами философскую мысль в Германии.

Методы, подсказанные автору теорией культурных трансферов, – не только скрупулезная работа в архивах, но и выяснение того, какие книги немецких авторов Бергсон брал в библиотеке, какие сохранились в его личной библиотеке, что могут сказать исследователю подчеркивания, сделанные им на страницах этих книг, и пр. Большую роль сыграло и изучение переписки Бергсона с его немецкими коллегами, и обращение к мемуарам немецких современников и знакомых философа. Все это позволило существенно углубить представление о том, как Бергсон реагировал на освещение его творчества в Германии, на критику, часто звучавшую оттуда в его адрес.

Как пишет автор, «изучение культурных трансферов между Бергсоном и немецкими философами его времени позволяет затронуть вопросы, относящиеся к двум разным областям. Во-первых, мы на деле наблюдаем различия, связанные с принадлежностью всякой философии к определенному языку и национальной культуре, к собственной истории и территории; во-вторых, по ту сторону деформирующих фильтров, сквозь которые любая культура интерпретирует другие, выявляются общие проблемы, интересовавшие французских и немецких философов в первые десятилетия XX в.» [Там же, 19]. Общими проблемами, которые изначально послужили почвой для взаимного интереса, были проблемы психологии, тесно связанные с философией. Сам Бергсон никогда не был в Германии, но постоянно следил за тем, что происходило в ее философии и психологии. В своих первых книгах – «Опыте о непосредственных данных сознания» и «Материи и памяти» он нередко упоминает работы немецких авторов, в том

числе В. Вундта. В свою очередь, его соображения привлекли внимание в Германии, где вышли отклики на некоторые его работы. Это была одна из линий взаимодействия, которое постепенно расширялось. Проследив историю интеллектуальных контактов Бергсона с немецкими философами, К. Занфи выделила среди общих проблем вопросы о взаимоотношении духа и жизни, культуры и цивилизации, вопросы о специфике исторических законов, которые находились в центре внимания неокантианцев.

Определенную аналогию работе Занфи представляет книга Френсис Нэтеркотт «Философская встреча. Бергсон в России (1907–1917)» (см. [Нэтеркотт, 2008]). Автор понимала свою задачу во многом сходным образом, хотя и не упоминала о культурных трансферах. Ее интересовало, какими процессами в философии воспринимающей стороны (России) определялись сами формы восприятия, из каких собственных установок русской философы исходили и какие проблемы стремились решить с опорой на идеи Бергсона. Изучая русскую интеллектуальную историю, Ф. Нэтеркотт так сформулировала свою цель: прослеживая, как распространялись в России идеи Бергсона «и как складывалась их судьба на русской почве, мы сможем увидеть, в чем степень усвоения или, напротив, отвержения его концепции свидетельствует о специфике философского дискурса в России в эту эпоху» [Там же, 55]. Но в книге Нэтеркотт о встрече говорилось все же в переносном смысле, ведь Бергсон мало с кем был знаком из русских философов и о философской ситуации в России знал понаслышке. К. Занфи описывает полноценный диалог, который в определенной мере повлиял на разных его участников и в котором выявились и плодотворные моменты, и непреодолимые границы. Автор показывает, что основой для восприятия Бергсона в Германии во многом стали собственно немецкие философские традиции, в диапазоне которых она выделяет две крайние точки: учение Канта и философию Ницше, определившие способы прочтения бергсоновской философии, характерные для той эпохи. Этот подход повлиял и на собственно переводческие решения: так, известный бергсоновский термин *intelligence* (интеллект) часто переводился как *Verstand* (рассудок), давно закрепившийся в немецкой философии и тесно связанный с учением Канта. А термин *Übermensch* (сверхчеловек) – одно из ключевых слов ницшевского лексикона, – воспроизведенный Бергсоном во французском варианте (*surhomme*) в «Творческой эволюции», как правило, служил для обратного перевода на немецкий, хотя Бергсон вкладывал в это понятие совершенно другой смысл.

Книга Занфи неслучайно вышла в свет в канун столетия Первой мировой войны. Собственно, «нерв» книги составляет описание того, как взаимный интерес, плодотворное общение Бергсона с его немецкими коллегами сменились «философской мобилизацией», когда многие из них, в том числе и Бергсон, были вовлечены в националистическую пропаганду. В этот момент прервался (и так и не был возобновлен) его интеллектуальный диалог с одним из тех философов Германии, которые с неподдельным интересом восприняли его идеи, – с Максом Шелером.

Бергсон и Шелер

Значение идей Бергсона для философии Макса Шелера – тема, очень мало исследованная в нашей литературе. Так, в столь авторитетном издании, как словарь «Современная западная философия» (изд. 2008 г.), где Шелеру посвящена подробная статья, ни слова не сказано о Бергсоне. В работах зарубежных авторов этот вопрос рассматривается уже довольно давно, и в них можно найти очень важную информацию. Много сделал в данном плане член оргкомитета Шелеровского общества Вольфгарт Хенкманн, изучавший архивное наследие Шелера [Henckmann 2004]. Шелер стал одним из «главных героев» книги К. Занфи. Сравнительно недавно вышли и другие работы.

Известно, что Макс Шелеру принадлежит заслуга двоякого рода: он стал посредником между двумя европейскими культурами, сыграв существенную роль в рецепции французской философии в Германии и, наоборот, в восприятии немецкой философии, особенно феноменологии, во Франции⁴. При этом его отношение к учению Бергсона

было неоднозначным, порой противоречивым, прошло разные этапы. Французский философ и удостаивался похвал со стороны Шелера, и подвергался критике. С концепцией Бергсона Шелер познакомился в 1901 г. благодаря барону Фридриху фон Хюгелю [Henckmann 2004, 365]. Фон Хюгель, австро-английский религиозный мыслитель, разделявший идеи модернизма, был дружен с французским философом и стремился способствовать распространению его взглядов в Германии. Именно он привлек внимание Шелера к бергсоновскому «Опыту о непосредственных данных сознания». Фон Хюгель встретился с Шелером у Рудольфа Ойкена, который был научным руководителем Шелера при подготовке докторской диссертации и габилитации. Сам Ойкен, последователь Фихте, лауреат Нобелевской премии по литературе (1908), тоже оказался значимой фигурой в этих контактах. Его ноологическая (от греч. *noos* – разум, дух) философия, к которой проявлял интерес Шелер, сыграла определенную роль в подготовке почвы для восприятия идей Бергсона. Шелер высоко оценил бергсоновский «Опыт». Впоследствии он прочел все основные работы философа, в том числе «Материю и память» и «Творческую эволюцию». Вплоть до Первой мировой войны он вел довольно активную переписку и с Бергсоном, и с другим представителем спиритуализма во Франции – Эмилем Бутру. К сожалению, эту переписку в архиве обнаружить не удалось⁵. Именно Шелер стал инициатором перевода «Материи и памяти» на немецкий (1908). Эта работа, как и переводы некоторых других сочинений Бергсона, вышла в издательстве Ойгена Дидерихса, который видел одну из своих задач в ознакомлении немецкоязычной аудитории с тогдашней французской философией. Стоит отметить здесь сложную судьбу переводов «Материи и памяти»: в Германии, как и в России, переводчики столкнулись со значительными трудностями. В России эта работа переведилась дважды, и оба раза не особенно успешно. В Германии первый перевод, подготовленный к печати Штеенбергенем, специалистом по философии Бергсона, тоже оказался неудачным: в 1919 г. по настоянию Бергсона и Зиммеля, недовольных им, был осуществлен еще один перевод, автором которого стал Франкенбергер. В 1909 г. на немецком вышла важная методологическая работа Бергсона – «Введение в метафизику», в 1911 г. «Время и свобода» («*Zeit und Freiheit*» – так в Германии называли «Опыт о непосредственных данных сознания»), в 1912 г. – «Творческая эволюция».

Спустя полгода после «встречи» с философией Бергсона, в январе 1902 г. Шелер познакомился с Гуссерлем, с чего начался его путь в феноменологию. И это существенным образом сказалось на его отношении к Бергсону. Создается впечатление, что здесь в сознании Шелера возник своего рода контрапункт: он что-то принимал у обоих мыслителей, что-то отвергал, но они оставили глубокий след в его философствовании. Сопоставляя их концепции, он выявлял достоинства и недостатки обеих. Так, он критиковал Бергсона за методологические изъяны, многие из которых действительно представляют собой «ахиллесову пяту» бергсонизма, – за недостаточную дифференциацию областей исследования, за неразличение сфер сущности и существования и пр. Фактически речь идет о пренебрежении теми преимуществами, которые дает использование феноменологического метода. По словам А. Франсуа, «критика, адресованная Шелером философии жизни, ведется с точки зрения феноменологии. Философия жизни неспособна верно постичь способ бытия сознания, а потому впадает в психологизм или мистицизм» [François 2010, 75]. В то же время Шелера – в противовес Гуссерлю – сразу привлек бергсоновский реализм (или анти-формализм): так, в письме от 27 апреля 1906 г. к немецкому философу и политическому деятелю Георгу фон Херлингу он отмечал, что именно Бергсон помог ему преодолеть последние элементы «сенсуализма» у Канта. Его также заинтересовала бергсоновская теория восприятия: он подчеркнул важность идеи о том, что материя дана нам через акт чистой интуиции, а не в чувственном восприятии (см. [Agard 2011]). Здесь имеется в виду концепция «чистого восприятия», изложенная Бергсоном в «Материи и памяти» и ставшая теоретическим основанием разработанной им версии реализма и интуитивизма. В этой концепции выражена установка, значимая для Шелера: «чистое восприятие» (которое стало «прообразом» будущей «интуиции» у Бергсона) обеспечивает

укорененность человека в мире, дорефлексивную непосредственную связь с ним, открытость миру.

Для такого реализма существовали, конечно, предпосылки во французской философии, хотя учение Бергсона часто и оценивалось на родине мыслителя и за ее пределами как нечто совершенно новое, как «революция в философии». Оно пробивало себе дорогу на фоне пестрой картины разных философских устремлений. Во второй половине XIX в. во Франции развивались метафизические исследования в различных вариантах, а также психология, социология, исследования науки. При этом философская ситуация здесь имела свои характерные отличия. Так, в 1906 г. автор одной из статей в «Revue philosophique de la France et de l'étranger» отмечал: «Логика и теория познания не пользуются особой симпатией во Франции. Тогда как в Германии эти вопросы обсуждаются со страстью (это не слишком сильное слово), французских работ на эту тему совсем немного» [Luquet 1906, 600]. В таких условиях гуссерлевская критика психологизма не могла тогда встретить особого понимания. Как отмечает Оливье Агар, свидетельством тому стало и предисловие Вильгельма Виндельбанда к немецкому переводу «Материи и памяти», где автор противопоставил немецкую Erkenntnistheorie методу обращения духа в рефлексии к самому себе с целью исследования великих метафизических вопросов [Agard 2011]⁶.

Это суждение Виндельбанда относится к той традиции французской философии, которую продолжил Бергсон. Обращение к ней многое объясняет в его концепции, в том числе и те аспекты, которые вызвали особый интерес у Шелера. Хотя во Франции во второй половине XIX – начале XX в. очень влиятельными были позитивизм и неокантианство (неокритицизм Ренувье и пр.), важную роль играл и спиритуализм – традиция, которая «начиная с Равессона и до Бергсона составляет, в многочисленных формах, главную ось французской философии, даже если речь не идет о четкой определенной школе» [Ibid.]. Это была особая разновидность спиритуализма – спиритуалистический реализм, главной темой которого стали отношения духа и природы, одухотворенная природа. Представители этого течения развивали идеи о необходимом переходе или опосредовании между природой и духом, которые толковались не как обособленные инстанции, а напротив, рассматривались в сложном взаимодействии: с одной стороны, дух ведет природу к более высоким уровням развития, а с другой – сама эта природа есть осадок, отложение духа. Рассмотрение философии Бергсона в данном контексте позволяет несколько скорректировать те оценки, которые ей давались в XX в., в том числе и Шелером.

Рассуждая об этих проблемах, Оливье Агар использует термин «продуктивное непонимание». В случае с Бергсоном он, на наш взгляд, вполне уместен и заставляет задуматься о неисповедимых путях истории идей. Непонимание здесь во многом было связано с самой спецификой спиритуалистического реализма, каким он выступил у Бергсона. Хотя неверная, тенденциозная трактовка его взглядов далеко не всегда бывала продуктивной, все же порой подводила мыслителей, писателей, художников к плодотворным выводам, давала сильный творческий импульс. Такова же, вероятно, была ситуация у Шелера: он прорабатывал собственные идеи в отталкивании от Бергсона, во внутренней полемике с ним, или, точнее, с тем бергсонизмом, образ которого у него сложился. Вместе с тем, в концепциях двух мыслителей есть много общего черт. Оба они, признавая приоритет духовного начала мира, считали необходимым для философии сотрудничать с экспериментальными науками, проявляли особый интерес к биологии и ее фундаментальным проблемам. Шелер высоко оценивал бергсоновскую критику позитивизма, эволюционизма в разных его формах; как и Бергсон, он был противником дарвинизма. Много сходного можно обнаружить при описании обоими философами иерархических ступеней универсума, хотя для Шелера, в отличие от Бергсона, инстинкт и интеллект не являются двумя расходящимися линиями эволюции. В работах Шелера, в том числе поздней – «Положение человека в космосе» – мы находим бергсоновские понятия, например «жизненный порыв» (Lebensdrang).

Макс Шелер обращался к философии Бергсона в разные периоды творчества. В работе «Опыты о философии жизни» (1913) он утверждал, что Бергсон находится в истоке решающего поворота мысли, на который указывает философия жизни. Он занимает позицию открытости по отношению к миру, доверяя к нему, тогда как для точной науки характерно отношение недоверия, стремление к господству и контролю. В отличие от Декарта или Канта, он смотрит на мир «широко открытыми глазами», а не критическим, «прищуренным» взглядом [Scheler 1919, 164]. Его идеи делают возможным способ познания, который, в отличие от науки, предполагает отвлечение от практических интересов. Такова позиция эмоционального априори, симпатии к миру. Вместе с тем, Шелер довольно резко критикует бергсоновскую концепцию интуиции, усматривая в ней психологизм и мистицизм. И впоследствии Шелер не раз возвращался к этой критике. Так, в работе «Формы знания и образование» (1925) читаем: «Ложные формы теистического неоромантизма, который стремится низвести нашу могучую специально-научную культуру до уровня самонадеянной и неподлинной псевдофилософии, а философию как таковую – до мистики и дешевой интуиции (Бергсон, кружок Георга фон Калера)» [Шелер 1994, 19].

Зимой 1919–1920 гг. Шелер читал в Кёльнском университете курс по философии Бергсона, охарактеризовав ее как «наиболее активную философию среди новых философских течений в сегодняшнем мире» [Henckmann 2004, 364]. В то же время он поместил концепцию французского мыслителя между двумя полюсами – биологизмом и мистикой, которые рассматривал как две ложные интерпретации понятия жизни. Критикуя бергсоновское учение за переоценку понятия жизни, он называл его виталистской метафизикой, даже панвитализмом. В целом Шелер противопоставлял бергсоновскому «метафизическому монизму» свое понимание сложного двойственного отношения жизни и духа (см. об этом [Хорьков 2007; Габель 2007, 53–53]).

По сообщению В. Хенкманна, в архиве Шелера имеются материалы, свидетельствующие о том, что немецкий философ в конце жизни работал над книгой о Бергсоне. Он не дождался выхода в свет поздних сочинений, в которых Бергсон несколько скорректировал свою прежнюю концепцию и сильно продвинулся вперед – очевидно, не в последнюю очередь под воздействием критики, может быть и той, что исходила от Шелера. В этих работах уточняется трактовка отношения интеллекта и интуиции, подчеркивается творческая роль эмоции, исследуются этико-социальные и религиозные проблемы. Наиболее важной в этом плане, как можно предположить, стала бы для Шелера публикация «Двух источников морали и религии» (1932), где Бергсон, наконец, прямо обратился к темам, давно находившимся в центре внимания немецкого мыслителя. Правда, вопрос о ценностях, столь интересовавший Шелера, не получил особого развития в этих работах, однако этическая позиция Бергсона, была заявлена вполне четко. Но вот что любопытно: если у позднего Шелера (например, в работе «Положение человека в космосе») в трактовке жизни усиливаются коннотации, связанные с влиянием Фрейда (речь идет о силе влечений и пр.), то у Бергсона, напротив, жизненный порыв гораздо более отчетливо, чем прежде, соотносится со сферой духа, интерпретируемой в перспективе христианского мистицизма.

Завершая, обращу внимание на один момент: зарубежные исследователи нередко высказывают мнение, что бергсонизм во многом создал во Франции условия для восприятия идей феноменологии. Думается, это мнение вполне подтверждается «философским маршрутом» Шелера. Для того чтобы разобраться в данной проблеме, стоило бы, возможно, использовать метод культурного трансфера. Эта важная тема, как говорят в таких случаях, еще ждет своего исследователя.

Примечания

¹ «... Термины *Lumières*, *Aufklärung*, *Просвещение* отсылают к совершенно различным реалиям. Что общего между идеей Просвещения разума и представлением о религиозном озарении, которое сопутствует русскому термину? При переходе от одной страны к другой мысль о Просвещении

преломляется, трансформируется по причине национальной специфики выбранного страной пути» [Эспань 2018, 235].

² В данной статье отмечается, что в России делались попытки перевести термин «культурный трансфер» – например, как «культурное перемещение», но этот вариант тоже оказался не особенно удачным. Поскольку книга Эспаня, переведенная в 2018 г. на русский, несет в названии этот термин, можно сделать вывод, что он прижился на русской почве.

³ В 2014 г. вышел в свет французский перевод этой книги, подготовленный самой К. Занфи при помощи Бенедикт Бюис, а в 2018 – немецкий. Недавно был издан перевод на русский язык.

⁴ Это отмечалось на международной конференции «Макс Шелер и современная философия», проведенной в Институте философии РАН в октябре 2014 г.

⁵ По свидетельству Хенкманна [Henckmann 2004, 371], в заметках к лекции «Метафизика и психоанализ» (1927) Шелер цитирует довольно пространственный пассаж из письма Бергсона, где французский философ критически отзываясь о Фрейте.

⁶ Перевод предисловия Виндельбанда сравнительно недавно вышел во Франции [Windelband 2008].

Источники – Primary Sources and Russian Translations

Габель 2007 – *Габель М.* Человек – движение к божественному? // *Шелер М.* Философские фрагменты из рукописного наследия / Подгот. нем. текста к публикации, пер. на рус. яз., вступ. статья и примеч. М. Хорькова. М., 2007. С. 48–67 (Gabel, Michael, *Ist der Mensch eine Bewegung zum Göttlichen?* Russian Translation).

Занфи 2020 – *Занфи К.* Бергсон и немецкая философия. 1907–1932 / Пер. с франц. И.И. Блауберг. М.; СПб., 2020 (Zanfi, Caterina, *Bergson et la philosophie allemande. 1907–1932*), Russian Translation).

Нэтеркотт 2008 – *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча. Бергсон в России (1907–1917) / Пер. с франц. И.И. Блауберг. М., 2008 (Nethercott, Frances, *Une rencontre philosophique. Bergson en Russie (1907–1917)*), Russian Translation).

Шелер 1994 – *Шелер М.* Формы знания и образование // *Шелер М.* Избр. произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 15–56 (Scheler, Max, *Die Formen des Wissens und die Bildung*, Russian Translation).

Эспань 2018 – *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц. под общ. ред. Е.Е. Дмитриевой., вступ. ст. Е.Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018 (Espagne, Michel, *L'histoire des civilisations comme transfert culturel*, Russian Translation).

Scheler, Max (1919) “Versuche einer Philosophie des Lebens”, Scheler, Max, *Vom Umsturz der Werte*, Bd. 2. Der Neue Geist Verlag, Leipzig.

Ссылки – References in Russian

Блауберг 2014 – *Блауберг И.И.* Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона. М.: ИФ РАН, 2014.

Дмитриева 2018 – *Дмитриева Е.* Застывшая жизнь в янтаре: заметки о научной биографии Мишеля Эспаня // *Эспань М.* История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7–32.

Дмитриева 2011 – *Дмитриева Е.* Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? URL: http://litusadba.imli.ru/sites/default/files/kulturnyy_transfer-ctatyavl.pdf

Курилович 2016 – *Курилович И.С.* Виктор Кузен в развитии гегелеведения во Франции // *Философские науки.* 2016. № 9. С. 35–48.

Минеева 2016 – *Минеева И.Н.* Культурный трансфер: от истории идеи к методологии. URL: <http://academy.petrus.ru/journal/article.php?id=3006>

Хорьков 2007 – *Хорьков М.* Контуры поздней философии Макса Шелера // *Шелер М.* Философские фрагменты из рукописного наследия / Подгот. нем. текста к публикации, пер. на рус. яз., вступит. статья и примеч. М. Хорькова. М., 2007. С. 7–47.

References

Agard, Olivier (2011) “Max Scheler entre la France et l’Allemande”, Available at: <http://rgi.revues.org/1119>

Barthélémy-Madaule, Madeleine (1966) *Bergson adversaire de Kant*, PUF, Paris.

Blauberg, Irina I. (2014) *The Origins of Bergsonism. Philosophy of Felix Ravaisson*, RAS Institute of Philosophy, Moscow (in Russian).

Dmitrieva, Ekaterina E. (2011) "The Theory of Cultural Transfer and the Comparative Method in Humanitarian Research: Opposition or Continuity?", URL: http://litusadba.imli.ru/sites/default/files/kulturnyy_transfer-ctatyavl.pdf (in Russian)

Dmitrieva, Ekaterina E. (2018) "Frozen Life in Amber: Notes on the Scientific Biography of Michel Espagne", Espagne, Michel *History of Civilizations as a Cultural Transfer*. New Literary Review, Moscow, pp. 7–32 (in Russian).

Espagne, Michel (1994) "Sur les limites du comparatisme en histoire culturelle", *Genèses*, Vol. 17, pp. 112–121.

Espagne, Michel, Noiriel, Gérard (1992) "Transferts culturels: l'exemple franco-allemand: Entretien avec Michel Espagne", *Genèses*, Vol. 8, pp. 146–154.

François, Arnaud (2010) "La critique schélérienne des philosophies nietzschéenne et bergsonienne de la vie", *Bulletin d'analyse phénoménologique*, Vol. VI, No. 2, pp. 75.

Henckmann, Wolfhart (2004) "La reception schélérienne de la philosophie de Bergson", *Annales bergsoniennes*, II, PUF, Paris.

Khorkov, Michail (2007) "The Contours of the Late Philosophy of Max Scheler", Scheler, Max, *Philosophical Fragments from the Manuscript Heritage*, ed. by M. Khorkov, Gnosis, Moscow, pp. 7–47 (in Russian).

Kurilovich, Ivan (2016) "Victor Cousin in the Development of Hegel Studies in France", *Philosophical sciences*, Vol. 9 (2016), pp. 35–48 (in Russian).

Luquet, George-Henri (1906) "Logique rationnelle et psychologisme", *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Vol. 62, pp. 600–610.

Meyer, Rudolf W. (1982) "Bergson in Deutschland. Unter besonderer Berücksichtigung seiner Zeitauffassung", *Phänomenologische Forschungen*, Bd. 13, S. 10–64.

Mineeva Inna N. (2016) "Cultural Transfer: from the History of an Idea to a Methodology", Available at: <http://academy.petrso.ru/journal/article.php?id=3006> (in Russian).

Pflug, Günther (1991) "Die Bergson-Rezeption in Deutschland", *Zeitschrift für philosophische Forschung*, Bd. 45, H. 2, S. 257–266.

Vieillard-Baron, Jean-Louis (2001), "Les paradoxes de l'éternité chez Hegel et chez Bergson", *Les études philosophiques*, Vol. 59, 4, pp. 517–530.

Windelband, Wilhelm (2008) "En guise d'introduction à Matière et Mémoire de Bergson", *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, Vol. 2, pp. 147–156.

Сведения об авторе

БЛАУБЕРГ Ирина Игоревна –
доктор философских наук, ведущий научный
сотрудник Института философии РАН.

Author's Information

BLAUBERG Irina I. –
DSc in Philosophy, Leading Researcher
at the Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.